

**КАТЯ
КЕКС**

**БРАК
С ВРАГОМ**

18+

ДРУГ ОТЦА
ПЛАТА ЗА СВОБОДУ

Катя Кекс

Друг отца. Плата за свободу

«Автор»

2026

Кекс К.

Друг отца. Плата за свободу / К. Кекс — «Автор», 2026

Я продала себя, чтобы спасти семью. Друг отца всегда получает то, что хочет. А хочет он меня. И плевать, что я ненавижу его. Ненависть делает игру острее. Брачный контракт. Отдельные спальни. Холодная вежливость. Но однажды ночью он входит в мою комнату и напоминает: — Ты моя. Я думала, что смогу держать дистанцию. Что смогу ненавидеть его в тишине своей спальни. Но он ломает мои границы одну за другой. Контролирует каждый шаг. Смотрит так, что кожа горит. Касается так, что я забываю, зачем пришла в этот дом. Я хочу свободы. Но чем дольше я здесь, тем меньше понимаю: свобода — это когда я уйду? Или когда я перестану хотеть уйти?

Содержание

глава 1	5
глава 2	8
глава 3	11
глава 4	14
глава 5	17
глава 6	19
глава 7	22
глава 8	25
глава 9	28
г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Катя Кекс

Друг отца. Плата за свободу

глава 1

За спиной остался долгий путь из другого города, шумный вокзал с толпой пассажиров, впереди домашний уют и родители, которые всегда рады меня видеть.

— Остановите вон у того супермаркета, пожалуйста.

Водитель кивает, тормозит. Я прошу меня подождать. Сердце колотится, как ненормальное. Я сделала это: досрочная сдача, диплом на руках, готовое резюме для крутых работодателей, и никто не ждёт меня ещё неделю.

Представляю лицо мамы, когда я позвоню в дверь. Она откроет, увидит меня и... Ой, мамочки. Она или заплачет, или начнёт ругаться, что не предупредила. А папа сделает строгое лицо, а потом обнимет так, что рёбра затрещат.

Залетаю в супермаркет. Надо же с сюрпризом не только собой, но и чем-то вкусным. Беру корзинку и иду по рядам как автопилот: маме её любимый шоколад, папе дорогой кофе (он вечно покупает дешёвый, а этот обожает), фрукты, торт, игристое — ну как без этого. Корзинка превращается в полную тележку. Я довольно улыбаюсь.

Кассирша пробивает продукты, поглядывает на меня с лёгкой завистью. Наверное, думает: «Счастливая, праздновать будет». И правда счастливая.

Загружаю пакеты в такси. Водитель продолжает путь по намеченному ранее маршруту. Вот наш двор, вот скамейки, вот подъезд. Расплачиваюсь, вытаскиваю пакеты, заносу их в лифт. Нажимаю на кнопку с цифрой пять. Сердце уже не просто колотится, оно замирает в предвкушении.

Лифт останавливается. Двери открываются. Наш этаж. Знакомая дверь с облупившейся краской на стене рядом. Я ставлю пакеты, достаю ключи. Глубокий вдох. Улыбка до ушей.

Поворачиваю ключ. Толкаю дверь.

И замираю.

Запах.

Он бьёт в лицо, как пощёчина. Кислый, тяжёлый, тошнотворный. Пахнет перегаром, прокисшей едой, старым пеплом и ещё чем-то... несвежим.

— Мам? Пап? — голос выходит тихий, растерянный.

Я переступаю порог. Пакеты так и остаются стоять снаружи.

В прихожей темнота и беспорядок. Жму на выключатель и не могу поверить, что наша уютная квартира превратилась в... Куртки висят криво, одна съехала с вешалки и валяется на полу.

Я прохожу дальше, в зал.

И останавливаюсь, как вкопанная.

Здесь будто бомба взорвалась. Шторы задёрнуты, в комнате сумрачно и душно. На столе тарелки с остатками еды. Еда засохла так, что непонятно, что это было. Пепельница, полная доверху. Окурки торчат из неё, как частокол. Рядом пустые бутылки.

На полу крошки, какие-то тряпки, газеты. Пыль. Толстым слоем.

Я не дышу. Кажется, я вообще перестала существовать. Потому что этого не может быть. Это не наша квартира. Наша всегда была чистой, уютной, пахло маминой выпечкой и кофе. А здесь...

Из спальни доносится шорох. Шаркающие шаги.

Из двери выходит отец.

Я его сначала не узнаю. Человек в мятой майке, спортивных штанах, которые давно не видели стиральной машины. Небритый, опухший, с красными глазами. Волосы торчат в разные стороны. Он останавливается, смотрит на меня, и его лицо вытягивается.

— Геля? — голос хриплый, будто он не говорил неделю. — Ты... ты же через неделю...

— Сюрприз... — мой голос звучит чужим.

Папа сглатывает. Опускает глаза. И в этом движении столько вины, что меня накрывает ледяной волной.

— Пап. Что это? — я обвожу рукой комнату. — Что здесь происходит?

— Да так... — он отмахивается, но рука дрожит. — Бардак небольшой. Я сейчас уберу. Ты не думай, я просто... не ждал. Сейчас всё сделаю.

Он хочет пройти мимо меня, наверное, на кухню, но я ловлю его за руку.

— Где мама?

Папа замирает. И молчит.

Целую вечность. Секунд десять, наверное. Но для меня это вечность.

— Папа. — мой голос становится твёрже. — Где мама?

Он поднимает глаза. И я вижу в них такое... такую боль, что мне хочется закрыть глаза и заткнуть уши, лишь бы не слышать то, что он скажет.

— В больнице она, дочка.

У меня сердце падает в пятки. Прямо физически чувствую, как оно проваливается куда-то в живот.

— В какой больнице? Что случилось?

— Давление... сердце...

— Папа, — я сжимаю его руку. — Не ври. Пожалуйста. Просто скажи правду. Я приехала и хочу знать. Что с мамой?

Он садится прямо здесь, в зале, на край дивана, заваленного каким-то тряпьем. Трёт лицо ладонями. Долго. Потом тихо говорит:

— Инсульт у неё. Три недели назад.

У меня подкашиваются ноги, опираюсь о стену.

— Что?

— Бизнес рухнул, Геля. Всё... Всё пошло прахом. Долги, кредиторы, на меня заявление написали. Она не выдержала. Стресс. Давление скакнуло, и... — он замолкает, трёт глаза кулаком, как маленький.

— А мне ты почему не сказал? — мой голос срывается на крик. — Почему я узнаю об этом, когда приезжаю сюрпризом?

— Чтобы ты не бросала учёбу! — он тоже повышает голос, но сразу сникает. — Думал, сам справлюсь. Думал, вытащу. Думал, ты приедешь, а всё уже будет хорошо...

— Хорошо?! — я оглядываю комнату. — Ты называешь это хорошо?

Он молчит. Смотрит в пол.

— Она жива? — спрашиваю тихо. Боюсь ответа.

— Жива. — выдыхает папа. — Но... левая сторона отказала. Не говорит почти. Врачи говорят, нужна реабилитация. В платной клинике. У нас в бесплатной только поддержка, а разрабатывать руку-ногу надо там. Иначе... не встанет.

— Сколько?

Он называет сумму. У меня подгибаются колени. Я сползаю по стенке на пол. Прямо на грязный пол, в своей куртке, с рюкзаком за плечами.

— Это ж... — шепчу я. — Это ж космос. Где взять?

— Я искал. — папа снова трёт лицо. — Всё перепродал. Всё, что можно. Долги остались. Если не верну — сяду. А маме надо сейчас.

— И что делать? — я смотрю на него и вдруг понимаю по его лицу: он что-то знает. Какой-то выход.

— Есть один человек. — говорит он тихо. — Юрий Сергеевич. Друг мой... бывший. Я ему звонил. У него деньги, связи. Он может помочь.

— И что? Поможет?

Папа молчит. Долго. Потом поднимает на меня глаза. В них тоска. И страх.

— Сказал, пусть Геля приедет. Лично. Поговорить.

Я смотрю на него, не понимая.

— Я? При чём здесь я?

Он молчит.

— Пап. — я встаю, подхожу к нему. — Зачем я ему?

— Не знаю. — шепчет он. — Правда, не знаю. Или знаю, но боюсь думать. Но он сказал только так.

Я смотрю на него. Потом на этот бардак. На бутылки. На окурки.

— Адрес больницы давай.

Он замирает. Смотрит на меня, и в глазах плещется что-то похожее на облегчение. Будто я сняла с него груз, который он тащил один.

— Городская... — бормочет он. — Второе отделение. Неврология.

глава 2

Такси пахнет хвоей и мятными леденцами. Водитель что-то говорит про погоду, про пробки, про то, что весна в этом году поздняя. Я киваю, но не слышу ни слова. За окном проплывает город, в котором я выросла. Школа, где я училась. Парк, где мы гуляли с мамой. Детский сад, смешной, с бетонными слониками у входа.

Я не помню, как мы доезжаем. Просто в какой-то момент машина останавливается, и я вижу серое здание с облупившейся краской. Табличка: «Городская клиническая больница №...» Дальше не читаю.

Расплачиваюсь. Выхожу.

Внутри пахнет лекарствами, хлоркой и безнадёжной тоской. Коридоры длинные, с зелёными стенами, обшарпанными наполовину. Скамеечки, на которых сидят уставшие люди. Ждут. Все чего-то ждут.

Неврологическое отделение. Второй этаж. Регистратура. Женщина в окошке смотрит на меня усталыми глазами.

— Я к Ольге... — я на мгновение сбиваюсь, в горле першит, кашляю — К Ольге Владимировне Вольской. Моя мама. Инсульт.

— Подождите, вызову врача.

Жду. Минута, две, пять. Сердце колотится где-то в горле.

Наконец, выходит женщина в белом халате. Лет пятидесяти, уставшая, с седыми волосами, выбившимися из-под шапочки. В руках карта.

— Вы дочь?

— Да. Ангелина.

— Пойдёмте.

Мы отходим к окну в коридоре. Она листает карту, и я ловлю себя на том, что смотрю на её руки. Пальцы длинные, ногти аккуратно подпилены, декоративного маникюра нет.

— Ольга Владимировна... — врач заглядывает в карту. — Поступила три недели назад. Ишемический инсульт на фоне острого стресса. Состояние средней тяжести.

— Она... она поправится?

Врач поднимает на меня глаза. В них нет злости, нет равнодушия. Только усталость. И какая-то обречённость, от которой мне становится холодно.

— Выживет — да, — говорит она. — С такими диагнозами не умирают обычно. Но левая сторона парализована частично. Речь нарушена. В нашем отделении мы можем только стабилизировать. Поддерживать.

— А вылечить?

— Это не лечится таблетками. — она закрывает карту. — Ей нужна реабилитация. Специальный центр. Неврологический. Там занимаются восстановлением. Разрабатывают конечности, ставят речь. У нас в городе такой есть. Но он платный.

Я молчу. Уже знаю, что будет дальше.

— В бесплатной программе очереди немаленькие, — продолжает врач. — За полгода без движения мышцы атрофируются. Тогда уже никто не поднимет. Понимаете?

— Сколько стоит?

Она называет сумму. Я слышу каждую цифру. Они врезаются в мозг как гвозди.

У меня нет таких денег. У папы нет. У нас вообще ничего нет.

— Я могу к ней?

— Пять минут. — врач смотрит на часы. — Третья палата. Она не говорит, но слышит всё.

Я иду по коридору. Третья палата. Дверь приоткрыта. Толкаю.

Четыре койки. У окна — она.

Мама.

Я её сначала не узнаю. Потому что мама — это всегда красивая, ухоженная женщина, которая пахнет духами и печеньем. А здесь...

Она похудела. Сильно. Скулы заострились, глаза провалились. Левая сторона лица... она будто оплыла. Уголок рта опущен, глаз не закрывается до конца. Левая рука лежит поверх одеяла, безжизненная, чужая.

Она смотрит на меня. Правым глазом. Живым, родным.

И в этом взгляде — всё. Боль. Страх. И вдруг — радость. Такая огромная, что у меня перехватывает дыхание.

Я подлетаю. Падаю на колени прямо у койки. Хватаю её правую руку (живую, тёплую) и прижимаюсь к ней лицом.

— Мама... мамочка...

Она мычит. Пытается что-то сказать, но звук выходит невнятный. Левая сторона рта не слушается. Из правого глаза течёт слеза, она даже вытереть её не может.

Я целую её руку. Ладонь. Пальцы. Запястье. Щёку. Лоб. Волосы, уже пропахшие больничными запахами.

— Я здесь. Я приехала. Прости, что меня не было. Прости...

Она гладит меня по голове здоровой рукой. Тяжело, неуклюже. Пальцы путаются в волосах. И этот жест... такой родной, такой мамин... Я чувствую, как внутри разрывается что-то.

Поднимаю голову. Смотрю ей в глаза.

— Я тебя вытащу. — говорю твёрдо. — Слышишь? Ты встанешь. Ты будешь ходить. Ты будешь говорить. Я всё сделаю. Я не позволю тебе оставаться такой.

Она смотрит. В её глазах вопрос. Тот же, что у меня в голове: «Как, дочка? Где деньги?»

Не отвечаю. Я сама не знаю.

— Пять минут прошло, — медсестра стоит в дверях, женщина в возрасте, с лицом, которое видело слишком много смертей, чтобы удивляться жизни. — Вам пора.

Целую маму в последний раз. Встаю. Иду к двери. Оборачиваюсь.

Мама смотрит на меня. Пытается улыбнуться. Получается криво, страшно, жалко.

Выхожу из палаты.

В коридоре на меня наваливается. Всё сразу. Прислоняюсь к стене и сползаю по ней. Сажусь прямо на пол, обхватываю колени руками и реву.

Люди проходят мимо. Смотрят, отводят глаза. Идут дальше. Здесь все плачут. Здесь это никого не удивляет.

Не знаю, сколько я так сижу. Минут пять. Десять. Время теряет смысл.

Потом встаю. Вытираю лицо рукавом и иду на выход.

Город встречает ветром и серым небом. До дома иду пешком, долго, почти час, но мне это нужно, нужно проветрить голову, нужно придумать хоть что-то, хоть какой-то выход из этого тупика.

В квартиру поднимаюсь через сопротивление. Дверь не заперта. Захожу.

Папа сидит на кухне, перед ним кружка с чем-то. Не пойму, с чаем или уже с чем покрепче.

— Ну что? — голос тихий, виноватый.

Я смотрю на него. На этого родного человека, который в грязной майке, с опухшим лицом кажется абсолютно чужим.

— Адрес давай.

— Какой адрес?

— Юрия Сергеевича своего, какой же ещё?

— Геля...

— Адрес, папа.

Он называет. Район, о котором я только слышала. Там, где живут те, для кого суммы в больнице — просто цифры.

Я смотрю на него в последний раз. На этого сломленного, жалкого человека. На свою жизнь, которая разлетелась вдребезги за один день.

Разворачиваюсь. Выхожу.

Ну что ж, Юрий Сергеевич, вы хотели чтобы я приехала? Еду к вам знакомиться!

глава 3

Такси привозит меня к высотному зданию из стекла и бетона. Я смотрю на него и не могу пошевелиться. Здесь живут люди, для которых деньги не зарабатываются тяжёлым трудом. Которым сумма, названная мне сегодня врачом, не кажется концом света, для них это просто цифры, бумажки...

А для меня это жизнь мамы.

— Девушка, вы выходите? — водитель оборачивается.

— Да. Простите.

Я вытаскиваю себя из машины, будто из трясины. Ноги ватные. Голова кружится. Но я иду.

Иду, потому что выбора нет.

В такси, пока город за окном сменял панельные многоэтажки на элитные кварталы, я успела надумать себе разного.

Как я могла не заметить?

Мы созванивались с папой раз в неделю. Он всегда говорил бодрым голосом: «Всё нормально, дочка, не переживай, учись». Я верила. Потому что хотела верить. Потому что моя голова была забита курсовыми, экзаменами, досрочной сдачей. Я так рвалась получить диплом, так хотела сделать им сюрприз, что не услышала...

А мама. Мама перестала брать трубку как раз три недели назад. Папа тогда сказал: «У неё голос пропал, простудилась, не может пока говорить». Я поверила. Я опять поверила. Потому что мне было удобно верить. Потому что если бы я забеспокоилась, если бы сорвалась и приехала раньше...

Я сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони.

Если бы я приехала раньше, я бы увидела. Я бы что-то сделала. Может, не допустила бы этого всего. Может, мамин insult не случился бы. Может, папа не скатился бы на дно.

А я? Я училась. Старалась. Хотела порадовать их дипломом. Думала, что успею. Думала, что у меня есть время.

Время кончилось.

Я подхожу к подъезду. Стеклопакетные двери, домофон с камерой. Я смотрю на панель, и меня накрывает новая волна страха.

Я не знаю, чего боюсь больше. Что он откажет? Или что согласится?

Папа сказал: «Пусть Геля приедет». Не «пусть позвонит», не «пусть напишет». Приедет. Лично. Что это значит? Почему я ему нужна?

Я набираю код, который отец продиктовал по телефону. Дверь щёлкает, открывается.

Вестибюль пахнет чистотой и свежестью. Мраморный пол, огромные вазы с живыми цветами, консьерж в униформе. Я чувствую себя грязной. В своей куртке, которую я купила уже год назад, в джинсах, которые не меняла после поезда. Волосы растрепались, под глазами круги.

Подхожу к лифту. Нажимаю кнопку. Зеркальные двери разъезжаются, захожу внутрь и вижу своё отражение со всех сторон. Бледная. Растрёпанная. Чужая.

«Ты справишься, — говорю я себе. Ты должна справиться».

Но внутри всё трясётся.

Лифт открывается на восьмом этаже. На площадке две двери. Одна напротив другой. Мне нужна левая.

Я стою перед ней, поднимаю руку и не могу нажать кнопку звонка. Пальцы не слушаются. Сердце колотится где-то в горле.

А что, если он скажет «нет»? Что тогда?

Я не знаю. У меня нет плана Б. Нет денег. Нет связей. Есть только мама в больнице, папа в грязи и я с дипломом, который теперь кажется бесполезной бумажкой.

Нажимаю.

Звонок разносится внутри, гулкий, чужой.

Жду. Секунда, две, пять.

Дверь открывается.

На пороге стоит женщина. Лет сорока, ухоженная, в строгом платье-футляре, волосы собраны в идеальный пучок. Она смотрит на меня сверху вниз, и я снова чувствую себя запачканной.

— Вы к кому?

— К Юрию Сергеевичу. Я... — голос предательски дрожит. — Ангелина Вольская. Он ждёт.

Женщина окидывает меня взглядом. Мне кажется, она видит каждую пылинку на моей куртке, каждый спутанный волос.

— Проходите.

Она отступает в сторону, и я переступаю порог.

Квартира огромная. Я не успеваю рассмотреть детали, только ощущение простора, света, дорогой мебели. Везде идеальный порядок. Пахнет деревом и мужчиной, мужским парфюмом или силой, не знаю, но здесь явно не живёт женщина, а та, что меня встретила, просто работает здесь.

Она идёт впереди, каблук цокает по паркету. Я тащусь сзади, как нашкодивший щенок.

— Подождите здесь.

Она оставляет меня в гостиной. Комната размером с нашу квартиру. Диваны, кресла, низкий столик из стекла. На стенах — картины, в которых я ничего не понимаю, но они выглядят дорогими. Огромное окно от пола до потолка, вид на город.

Я не сажусь. Стою посередине, сжимая лямку рюкзака, и жду.

За спиной раздаются шаги. Твёрдые, уверенные.

Я оборачиваюсь.

Он входит в гостиную, и я... я не знаю, что я ожидала увидеть. Старого друга папы. Мужчину с брюшком, в домашнем свитере, с доброй улыбкой.

Передо мной стоит кто-то совсем другой.

Юрий Сергеевич высокий. Широкие плечи, дорогой костюм: тёмно-серый, идеально сидящий. Он гладко выбрит, волосы аккуратно уложены. Лицо жёсткое, с чёткими скулами, прямым носом, волевым подбородком. И глаза. Тёмные, внимательные, тяжёлые. Они проходят по мне с головы до ног, и я чувствую себя раздетой.

Ему под сорок. Может, сорок. Он не выглядит старым. Он выглядит... опасным.

— Ангелина. — голос низкий, спокойный, без единой ноты удивления. — Проходи, садись.

Он говорит «на ты». Как когда-то, когда я была маленькой и он приходил в гости к отцу. Я помню его. Смутно. Высокий мужчина, который приносил мне шоколадку и называл «Лина». Но тот мужчина улыбался. Этот не улыбается.

Я делаю шаг вперёд. Потом ещё один.

— Можно я не буду садиться? Я не надолго.

Он поднимает бровь. Один короткий жест, и я чувствую, что уже сделала что-то не так.

Проходит к креслу, садится. Небрежно, расслабленно, как человек, который привык, что всё вокруг принадлежит ему. В том числе и я. Пока что только в его взгляде.

— Папа сказал... — начинаю я, и голос срывается, я откашливаюсь. — Вы можете помочь.

— Могу. — он смотрит на меня спокойно. — Садись, Ангелина. Я не люблю разговаривать, когда кто-то стоит.

Приходится сесть. Опускаюсь на краешек дивана, выпрямив спину, сжимая рюкзак на коленях перед собой, как щит.

— Я хотела бы узнать условия.

Он молчит. Изучает меня. Я чувствую этот взгляд каждой клеткой. Не спешит. Как будто проверяет, выдержу ли я.

Выдержу. Я должна.

— Твой отец рассказал тебе всё? — спрашивает он наконец.

— Долги. Уголовное дело. Мама в больнице. Нужны деньги на реабилитацию. — перечисляю я. — Я знаю всё.

— Не всё. — он откидывается в кресле. — Твой отец должен не просто деньги. Он подписал несколько договоров, которые позволяют мне забрать всё, что у него оставалось. Но я не сделал этого.

— Почему?

— Я ждал.

Я сглатываю.

— Чего?

Он смотрит на меня. Долго. Потом медленно улыбается. Улыбка холодная, без тепла.

— Тебя.

глава 4

У меня внутри всё обрывается.

— Я... — голос садится. — Я не понимаю.

— Понимаешь, — он наклоняется вперёд, опираясь локтями на колени. Теперь его лицо ближе. И эти глаза. Тёмные, тяжёлые, неотвратимые. — Я помогу твоему отцу. Закрою долги. Найму адвоката, который не даст хода делу, отмажет от срока. Я положу твою мать в лучший реабилитационный центр, какой только есть в этой стране. Она встанет на ноги, Ангелина. Я это гарантирую.

У меня перехватывает дыхание. То, что он перечисляет — это всё. Всё, о чём я мечтаю. Всё, что нужно, чтобы спасти их.

— Но есть условие, — говорю я, не спрашивая, понимаю.

— Есть, — он смотрит на меня слишком пронзительно. — Ты выходишь за меня замуж. И переезжаешь в этот дом жить.

Тишина.

Я слышу, как стучит моё сердце. Как гудит где-то далеко кондиционер. Как цокают по паркету каблук женщины, которая, наверное, ушла на кухню.

— Замуж? — переспрашиваю я, голос звучит хрипло. — За вас?

— За меня, — он произносит это так, будто говорит о погоде. — Брак по контракту. Сроком на год. После можешь делать что хочешь.

— Но... — я мотаю головой, пытаюсь переварить. — Зачем? Зачем вам это?

Он смотрит на меня. В его глазах что-то мелькает. То ли насмешка, то ли... я не понимаю.

— Мне нужна жена, — говорит он. — Для статуса. Для деловых партнёров. Для... определённых обстоятельств. Ты подходишь.

— Я? — я не верю. Это звучит как ложь. Я чувствую, что здесь что-то не так. Но я не могу понять, что именно. — Я подхожу? Чем?

— Ты умна. Красива. У тебя хорошее образование. — он перечисляет, как по списку. — И ты будешь послушной.

— Послушной? — меня передёргивает.

— Ты будешь делать то, что я скажу. — уточняет он. — И не будешь задавать лишних вопросов. В обмен на это я спасаю твою семью.

Я смотрю на него. На этого чужого, холодного человека. И понимаю, что он не шутит.

— А если я откажусь?

— Откажешься — твоё право, — он равнодушно пожимает плечами. — Но перспектива тебя ждёт такая себе: твой отец сядет, твоя мать останется парализованной, и ты будешь жить с этим до конца своих дней.

Каждое слово как пощёчина.

Я сжимаю лямки рюкзака так, что пальцы белеют.

— А я могу хотя бы подумать?

— На мой взгляд здесь не о чем думать, но если тебе так нужна пауза — думай, — Юрий Сергеевич встаёт. — Но недолго. Завтра утром я жду ответ. Если согласна — приезжай с паспортом. Если нет — не приезжай вовсе.

Он уходит из гостиной.

Я остаюсь одна в этом огромном, холодном, идеальном помещении.

Я не помню, как выхожу из квартиры. Не помню, как нажимаю кнопку лифта. Как выхожу из подъезда.

Вокруг темно. Фонари заливают тротуар жёлтым светом, выхватывая из темноты мокрый асфальт, скамейки, редких прохожих. Я выхожу на улицу и просто иду. Не знаю куда. Не знаю зачем.

Ноги несут меня вперёд, а в голове пустота.

Нет. Не пустота. В голове застряли слова. Они крутятся на повторе, как заевшая пластинка.

Ты выйдешь за меня замуж.

Я останавливаюсь посреди тротуара. Кто-то толкает меня плечом, что-то говорит, но я не слышу. Смотрю перед собой и пытаюсь дышать.

Замуж. За него.

Брак на год.

Фиктивный?

Я вспоминаю его лицо. Холодное, спокойное, уверенное. Вспоминаю его слова: «Ты будешь послушной». И жить я должна в его доме. В этой стеклянной башне, где всё чужое, дорогое, правильное.

Я делаю шаг. Ещё один.

Паника нарастает где-то в груди, сжимает горло. Я пытаюсь её подавить, но она лезет наружу. Слезы подступают к глазам, я моргаю, смаргиваю, но одна всё равно скатывается по щеке. Вытираю её рукавом куртки.

Если я соглашусь...

Я иду дальше. Фонари мелькают один за другим. Люди проходят мимо: спешащие, уставшие, счастливые, равнодушные. А я — потеряна. Совсем потеряна.

Если я соглашусь, папа вылезет из долгов.

Отец перестанет пить. Перестанет сидеть в этой грязной квартире, заваленной бутылками и окурками. Он сможет начать сначала. У него будет шанс.

Если я соглашусь, мама получит лечение.

Лучший реабилитационный центр. Лучшие врачи. Она встанет на ноги. Она заговорит. Она снова будет улыбаться — настоящей улыбкой, а не той кривой, которая разрывает мне сердце.

Если я соглашусь, всё будет хорошо.

Для них.

Я останавливаюсь. Смотрю на своё отражение в тёмной витрине какого-то магазина. Бледное лицо, растрёпанные волосы, красные глаза.

А для меня?

Что будет у меня?

Я выйду замуж за чужого человека. Буду жить в его доме. Буду делать то, что он скажет. Буду послушной.

Год.

Всего год.

Но что значит «всего год», когда ты отдаёшь чужому человеку свою жизнь? Своё тело? Свою свободу?

Я прижимаю ладони к лицу. Пытаюсь успокоиться. Дышу. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Вспоминаю маму. Её руку, глядящую меня по голове. Её глаза, полные боли и надежды.

Вспоминаю папу. Сломленного, жалкого, но всё равно моего папу. Который когда-то носил меня на плечах и учил не сдаваться.

Я убираю руки от лица. Смотрю в ночное небо. Звёзд не видно, город слишком яркий.

У меня нет выбора.

Наверное, его и не было с того момента, как я переступила порог родительской квартиры.

Достаю телефон. Смотрю на экран. Папа звонил два раза. Я не слышала, ставила на беззвучный режим.

Убираю телефон обратно.

Не сейчас.

Я не могу сейчас с ним говорить. Потому что, если услышу его голос сломаюсь. Или соглашусь сразу не думая. Или скажу «нет» и брошу трубку.

Я должна пережить эту ночь сама.

Я иду дальше. Не знаю куда. Просто иду по незнакомым улицам, среди чужих домов, чужих машин, чужих людей.

В голове крутится одно и то же.

Если я соглашусь, они будут спасены.

А что будет со мной?

Ответа нет.

— Девушка, а куда вы идёте в столь поздний час? Разрешите составить вам компанию?
— несколько фигур в чёрном преграждают мне дорогу, не давая двинуться дальше.

глава 5

Я останавливаюсь. Сердце ухает куда-то вниз.

— Негоже одной, а вдруг кто пристанет? — второй усмехается, голос скользкий, маслянистый.

— Дайте пройти, — голос звучит твёрже, чем я себя чувствую, делаю шаг в сторону, чтобы обойти.

Но он тоже делает шаг. Снова загораживает проход.

— Ну чего ты, красавица? Не будь букой. Поздно одной, опасно. А мы ребята хорошие, проводим.

— Я сказала — не нужно.

Поворачиваю назад. Там двое. Тоже не пропускают.

— А ты не торопись отказываться, — третий, тот, что слева, лениво ухмыляется. — Сейчас поговорим, познакомимся, а там глядишь и самой захочется.

— Я не знакомлюсь.

— Зря. Такая красивая девушка — и одна. Мужик, что ли, обидел?

Он делает шаг ко мне. Я шаг назад. Упираюсь спиной в кого-то, дёргаюсь, отскакиваю в сторону. Но они сужают круг. Три фигуры в чёрном, три пары глаз, три усмешки.

— Отпустите меня, — голос начинает дрожать, сжимаю кулаки, прячу дрожь.

— А мы и не держим, — парень в чёрном разводит руками. — Просто гуляем. Вместе.

— Мне не нужна ваша компания, — я пытаюсь говорить твёрдо, но в голосе проскальзывает паника. — Оставьте меня в покое.

— Обижаешь, — третий качает головой. — Мы же по-человечески...

Он тянет руку. Хватает меня за локоть. Пальцы сильные, горячие, впиваются в куртку.

— Пусти! — я вырываюсь, но он держит крепко. Второй хватается за вторую руку.

— Да ладно тебе, — голос уже не скользкий, а злой. — Не ломайся. Сказали — проводим, значит, проводим.

Они тянут меня в сторону. Туда, где у обочины стоит тёмная машина. Кто-то открывает заднюю дверь. Я упираюсь, дёргаюсь, пытаюсь вырваться, но они сильнее. Их трое. Я одна.

— Пустите! Отпустите меня! Помогите!

Но вокруг никого. Улица пустая, как назло. Фонари горят равнодушно.

— Ори громче, — скалится первый. — Полицию ещё позови. Только они в этот район не ездят, наша это территория, а ты не наша, мы тебя не знаем, значит...

Я дёргаюсь из последних сил. Ногти царапают чью-то руку. Кто-то ругается матом.

— Да сядь ты, дура!

Меня толкают. Я почти падаю внутрь машины. И в этот момент меня прорывает.

— Вам всем будет плохо! — кричу я, голос срывается на визг, но мне плевать. — Вы не знаете, с кем связываетесь!

Смех. Громкий, наглый, уверенный.

— Ой, страшно, — ржёт первый. — С кем это мы связались, девочка? С дочкой маминой? Или папиной?

— Смотрите, как нас напугала, — второй изображает испуг, хватается за сердце. — Сейчас умрём.

— Кем будешь прикрываться? — третий склоняет голову набок, глаза щурятся. — Может и правда важная шишка? А может, ты эта? По вызову?

Он скалится. Они все скалятся. Они мне не верят. Ни секунды. Для них я просто девочка, которая гуляет одна по ночам. Добыча.

А у меня нет выхода. Нет оружия. Нет защиты. Только слова. Только одно имя, которое я услышала сегодня и которое до сих пор не укладывается в голове.

— Я невеста Молотова! Знаете такого? — выкрикиваю я. — И сейчас иду от него домой! Смех затихает.

Не сразу. Сначала они не понимают. Лица всё ещё перекошены в ухмылках. Но что-то щёлкает. Кто-то из них замирает первым. Потом второй. Третий.

Я смотрю на них. Вижу, как меняется выражение глаз. Как уходит наглость. Как появляется что-то другое. Страх? Неуверенность?

— Молотова? Да ты гонишь, — голос уже не скользкий, осторожный.

— Молотова Юрия Сергеевича, — повторяю я. Чётко. Громко. Чувствую, как каждое слово падает на асфальт бетонной плитой. — И если вы меня тронете, он найдёт вас. Где угодно. Когда угодно. И живьём закопает.

Я не знаю, правда ли это. Я вообще ничего о нём не знаю. Но сейчас я готова поверить во что угодно. Потому что они верят. Я вижу.

Эти придурки переглядываются. Молча. Быстро. Как будто решают что-то без слов. Первый кивает.

— Ладно, — он отступает, поднимает руки, показывая, что не тронет. — Бывай.

— Но если узнаем, что это не так, — второй вдруг подаётся вперёд, лицо становится злым, — если ты нас развела, крошка, то тебе хана. Поняла? Мы тебя тоже достанем. Мало не покажется.

И они уходят.

Быстро. Молча. Три фигуры в чёрном ныряют в машину, хлопают дверями. Двигатель ревёт, и через секунду их нет.

Я стою посреди тротуара одна. Ноги дрожат. Руки дрожат. Всё тело дрожит.

Прислоняюсь к фонарному столбу. Закрываю глаза. Дышу. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Они ушли. Всё кончилось.

Но внутри что-то изменилось.

Я смотрю на свои руки. Они всё ещё трясутся. Но в голове вдруг становится ясно.

Только что три здоровых парня, которые могли сделать со мной всё, что угодно, услышали имя того, у кого я только что была в квартире и сбежали. Испугались. Потому что Юрий Сергеевич Молотов — это сила, с которой они не хотят связываться.

Я знала, что друг отца богат. Но я не знала, что он такой.

Вспоминаю его спокойное лицо. Его низкий голос. Его слова: «Ты будешь делать то, что я скажу. И не будешь задавать лишних вопросов».

Это не было просьбой. Это было предупреждением.

Я могу выйти замуж за человека, чьё имя заставляет людей бежать. Чьё имя работает как оружие. Чьё имя только что спасло меня от того, о чём я боюсь и думать.

Или... поставило в ещё большую ловушку?

Я смотрю в ночное небо. Звёзд по-прежнему не видно.

Достаю телефон. Смотрю на экран. Папа звонил ещё три раза. Я пропустила.

Я набираю сообщение. Короткое.

«Я принимаю его предложение».

Отправляю.

И иду дальше. Теперь я знаю, куда. Обратно. К дому Молотова. К своей новой жизни.

Клетка только что захлопнулась. Но я сама выбрала в неё войти.

глава 6

Я стою у стеклянных дверей его дома и смотрю на свои руки. Они всё ещё дрожат. Всё тело дрожит. Холодно. Или нет? Я не могу понять. Кажется, я вообще перестала что-либо чувствовать, кроме одной тяжёлой, давящей мысли, которая пришла где-то на полпути сюда: я согласилась.

Телефон в кармане молчит. Папа не ответил на моё сообщение. Может, уснул. Может, напился. Может, ему просто плевать, потому что он уже знал, каким будет мой ответ. Знал с того момента, как произнёс имя Юрия Сергеевича.

Я поднимаю голову. Смотрю на домофон. На кнопки. На камеру, которая, наверное, уже видит меня: потерянную, замёрзшую, с красными глазами и растрёпанными волосами.

Нажимаю.

Тишина. Один гудок. Второй.

— Да.

Его голос. Низкий. Спокойный. Как будто он ждал. Как будто знал, что я вернусь.

— Это я, — говорю. И замолкаю. Потому что не знаю, как меня теперь называть. Ангелина? Геля? Лина? Я вещь. Товар. Кукла, которую он покупает.

— Заходи, — говорит он, и дверь щёлкает.

Я толкаю стеклянную створку. Вхожу.

Вестибюль такой же, как час назад. Мраморный пол, огромные вазы с живыми цветами, консьерж в униформе. Он смотрит на меня. Я чувствую его взгляд. Но сейчас мне всё равно. Пусть смотрит. Пусть запоминает. С завтрашнего дня я буду здесь жить.

Лифт поднимает меня на восьмой этаж. Двери открываются. Я выхожу и вижу, что левая дверь приоткрыта. Он ждёт. Открыл, оставил проход. Как будто знал, что я не сбегу. Как будто был уверен.

Я делаю шаг. Второй. Третий.

Захожу.

В прихожей никого. Та же идеальная чистота, тот же запах дерева и цветов. Но женщина в строгом платье-футляре исчезла. Может, ушла. Может, он её отпустил. Чтобы мы остались одни.

Я снимаю обувь. Ставлю рюкзак на пол. Обнимаю себя за плечи, потому что руки всё ещё дрожат, и мне нужно хоть что-то, чтобы удержать себя от того, чтобы не развалиться на части.

Шаги. Я слышу их раньше, чем вижу его. Твёрдые, уверенные, неспешные.

Он появляется из коридора. Без пиджака. Только белая рубашка с закатанными рукавами. Я замечаю его руки: сильные, жилистые, с чёткими венами. И почему я смотрю на его руки? Я должна смотреть в глаза. Должна быть смелой. Должна показать, что не боюсь.

Но я боюсь. Я очень боюсь.

— Решилась, — говорит он. Не спрашивает. Утверждает.

— Да, — мой голос тихий. Слишком тихий.

— Проходи.

Он разворачивается и идёт обратно в коридор. Не оглядывается. Ему не нужно. Он знает, что я пойду. Потому что деваться некуда.

Иду.

Гостиная та же. Огромная, холодная, идеальная. Но теперь на столе стоит чайник и две чашки. Одна наполнена. Другая пустая. Он садится в кресло, кивает на диван.

— Садись.

Сажусь. На тот же край. Прямая спина, сжатые колени. Руки обхватывают плечи, потому что я не знаю, куда их деть.

Он наливает чай в пустую чашку. Подвигает ко мне.

— Пей.

Не хочу пить. Я хочу исчезнуть. Хочу, чтобы этот день закончился. Чтобы я проснулась в своей общаге, заваленная учебниками, и поняла, что всё это был страшный сон. Но чай пахнет мятой и чем-то успокаивающим, и мои пальцы сами тянутся к тёплой керамике.

Беру чашку в руки. Делаю глоток. Обжигаюсь. Ставлю обратно.

— Я согласна, — говорю. Нужно произнести это вслух. Официально. Как сделку. — Я выйду за вас замуж.

Он смотрит на меня. Спокойно. Без эмоций. Как будто я сказала, что на улице идёт дождь. Или что завтра вторник.

— Умница, — произносит он. И в этом слове нет ни тепла, ни похвалы. Только констатация факта.

— Но я хочу знать детали, — добавляю я. — Как это будет. Что я должна делать. И... что я получу взамен.

— Взамен ты уже получила, — он откидывается в кресле. — Твой отец не сядет. Твоя мать встанет на ноги.

— Я хочу это видеть, — мои пальцы сжимаются. — Я хочу быть уверена, что вы сделаете то, что обещаете.

Он усмехается. Первая эмоция за весь вечер. Короткая, холодная, как лезвие.

— Ты не в том положении, чтобы ставить условия, Ангелина.

— Тогда у нас не будет сделки, — говорю я и чувствую, как внутри всё обрывается. Но я не могу иначе. Я не могу просто поверить ему на слово. Не после того, как увидела папу в грязи и маму на больничной койке. — Я должна быть уверена.

Он смотрит на меня. Долго. Я не отвожу взгляд. Внутри всё дрожит, но я смотрю. Прямо в эти тяжёлые, тёмные глаза.

— Завтра утром я звоню адвокату, — наконец говорит он. — В течение недели долги твоего отца будут закрыты. Уголовное дело прекращено. Твою мать переведут в центр «Неврология плюс» в понедельник. Лучший реабилитационный центр в городе. Я уже договорился.

Я замираю.

— Вы... вы уже договорились?

— Я был уверен, что ты согласишься, — он берёт свою чашку. Отпивает чай. Спокойно, будто говорит о погоде. — У тебя не было выбора, Ангелина. Ты умная девушка. Ты всё понимаешь.

Я смотрю на него. И чувствую, как внутри что-то оседает. Тяжёлое. Холодное. Бесповоротное.

Он прав. У меня не было выбора. Не было с того момента, как папа произнёс его имя. Может, даже раньше. Может, с того момента, как мама упала и не смогла подняться.

— Что я должна делать? — спрашиваю. Голос ровный. Мёртвый.

— Жить здесь. — он ставит чашку. — Быть моей женой. Для всех. Для общества, для партнёров, для семьи.

— А наедине?

— Наедине ты будешь делать то, что я скажу.

Я слатываю.

— Это... брак по контракту?

— По контракту, — кивает он. — Сроком на год. По истечении года ты свободна. Можешь уйти. Можешь остаться. Решать тебе.

— А если я захочу уйти раньше?

— Ты не сможешь этого сделать.

Я смотрю на него. Не понимаю.

— Вы убьёте меня? — спрашиваю прямо. — Или что-то сделаете с моей семьёй?

Он усмехается. На этот раз усмешка выходит другой. Не холодной. Почти... живой.

— Никого я не буду убивать, Ангелина. — он наклоняется вперёд, смотрит мне в глаза.
— Но ты не захочешь уйти. Потому что я сделаю так, чтобы тебе было хорошо здесь. Очень хорошо.

В его голосе появляется что-то новое. Что-то, отчего у меня внутри всё сжимается. Не от страха. От чего-то другого, чему я пока не могу дать имя.

Я отвожу взгляд первой.

— Где я буду спать? — спрашиваю тихо.

— У тебя будет своя комната, — он встаёт. — До свадьбы. После... посмотрим.

Я поднимаю голову.

— До свадьбы?

— Завтра подаём заявление. Через месяц церемония. До этого момента ты живёшь здесь, но спишь отдельно. — он смотрит на меня сверху вниз. — Я не зверь, Ангелина. Я не буду тебя трогать, пока ты сама не захочешь.

Я молчу. Потому что не знаю, что ответить. Потому что в голове крутится одна мысль: никогда не захочу. Никогда.

— Иди, — он кивает в сторону коридора. — Вторая дверь направо. Ванная там же. Завтра в десять мы едем в ЗАГС подавать заявление. Выпись.

Я встаю. Ноги ватные. Руки всё ещё дрожат. Я делаю шаг к выходу из гостиной, но он останавливает меня голосом:

— Ангелина.

Я замираю. Не оборачиваюсь.

— Ты приняла правильное решение, — говорит он. — Твоя семья будет в безопасности. А ты... ты привыкнешь.

глава 7

Утром я просыпаюсь оттого, что не понимаю, где нахожусь. Потолок слишком высокий. Кровать слишком мягкая. Воздух пахнет цветами, а не дешёвым стиральным порошком и старой мебелью.

Потом память медленно возвращается. А вместе с ней и тяжесть в груди.

Я выхожу замуж. Сегодня подаём заявление.

Сажусь на кровати. Оглядываю комнату. Сквозь огромные окна льётся солнечный свет, и в нём видно каждую пылинку. Всё чужое. Всё не моё. Я чувствую себя гостьей. Или вещью, которую принесли в дом и пока не распаковали.

В дверь стучат. Коротко, уверенно.

— Ангелина, вы встали? — голос той самой женщины. Горничной.

— Да, — хриплю я, откашливаюсь. — Да, я... только проснулась.

— Юрий Сергеевич ждёт вас к завтраку через полчаса. Я оставлю вещи, которые он просил надеть, у двери.

Я слышу, как что-то ставят на пол. Шаги удаляются.

Подхожу к двери. Открываю. На пороге несколько пакетов. Я заглядываю внутрь и понимаю, что это одежда. Брюки, блузка, бельё, даже обувь. Всё моего размера. Всё дорогое, но без лишней вычурности, спокойных тонов.

Он подготовился. Знал, что я приду. Знал, что соглашусь. Может, даже знал, какой размер мне заказать.

Меня передёргивает, но отказаться я не могу. Надеваю всё что мне принесли и приятно удивляюсь новым ощущениям. Я никогда не носила такие ткани, это, наверное, стоит целое состояние. Натуральный шёлк блузы холодит кожу, брюки сидят чётко по фигуре, нигде не морщатся и не топорщатся, про бельё я вообще молчу, оно просто шикарное.

Завтракаем мы в гостиной. На столе кофе, свежие круассаны, фрукты, сыр. Я сажусь напротив своего будущего мужа и впервые вижу Молотова при дневном свете.

Он в тёмном костюме, белая рубашка, идеально выбритый. Волосы уложены. От него пахнет дорогим парфюмом с нотками табака и натуральной кожи. Он выглядит так, будто уже прожил этот день, пока я только проснулась.

— Ешь, — кивает он на мою тарелку. — Нам много куда сегодня ехать.

Я беру круассан. Откусываю. Не чувствую вкуса.

— Куда именно? — спрашиваю, чтобы хоть что-то сказать.

— Сначала в ЗАГС. Подадим заявление. Потом к нотариусу. Брачный договор.

Я поднимаю голову.

— Брачный договор? Зачем?

— Смешная ты, неужели думала, что я отпущу тебя через год с половиной моего состояния? — он усмехается. — Нет, Ангелина. Ты получишь ровно то, что я обещал. Спасённую семью. И свободу через год. Никаких твоих претензий на мои активы.

Я сглатываю. Не потому, что хочу его деньги. Просто очередное напоминание о том, что я здесь не невеста, а лицо, с которым заключают контракт.

— Я прочитаю договор, — говорю твёрдо. — Перед тем как подписать.

Он смотрит на меня. Долго. В его глазах я улавливаю что-то похожее на одобрение. Или насмешку. Не могу разобрать.

— Конечно, — говорит он. — Читай сколько хочешь.

ЗАГС — серое здание с колоннами и длинной очередью в коридоре. Но мы не стоим в очереди. Молотов проходит внутрь, кивает кому-то, и нас тут же приглашают в отдельный кабинет.

Женщина в строгом костюме улыбается. Заполняет документы. Спрашивает мои данные. Я отвечаю автоматом. Год рождения. Место рождения. Паспорт. Всё как во сне.

— Распишитесь здесь и здесь.

Я беру ручку. Смотрю на пустые строчки. Если я сейчас поставлю подпись, то через месяц стану женой Юрия Сергеевича Молотова. Женой. Это слово звучит как приговор.

Торопливо вывожу свою подпись, рядом со мной молча расписывается он. Быстро, уверенно не глядя.

Женщина поздравляет нас. Вручает какой-то талон. Называет дату, Молотов кивает, берёт меня под локоть и выводит из кабинета.

Нотариальная контора находится в бизнес-центре на соседней улице. Белые стены, кожаные кресла, пахнет дорогим кофе. Нотариус — женщина лет пятидесяти, в очках, с цепким взглядом. Она раскладывает перед нами документы, что-то объясняет про имущество, про доли, про обязательства. Я не слушаю. Я смотрю на стопку бумаг, которую мне предстоит подписать.

— Ангелина Владимировна, вам нужно ознакомиться с содержанием, — нотариус пододвигает ко мне экземпляр.

Я беру. Начинаю читать.

Пункт первый. Пункт второй. Раздел об имуществе. Раздел о долгах. Раздел о том, что я не имею права претендовать на счета, недвижимость, акции.

Я читаю дальше. Пункт о том, что в случае расторжения брака я не получаю ничего, кроме того, что было оговорено отдельным приложением.

Я листаю. Ищу приложение. Там всего одна страница.

«В случае исполнения супругой обязательств по договору в течение установленного срока, супруг обязуется оплатить лечение матери супруги, Ольги Владимировны Вольской, в реабилитационном центре „Неврология плюс“ в полном объёме, а также погасить долговые обязательства отца супруги, Владимира Николаевича Вольского, в сумме, указанной в приложении №2».

Я поднимаю голову, смотрю на Молотова. Он сидит напротив, закинув ногу на ногу, и ждёт. В его взгляде нет нетерпения. Он спокоен. Уверен. Как человек, который точно знает, чем закончится этот разговор.

— Всё так, как я обещал, — говорит он.

— Я хочу проверить цифры, — говорю я. — Сумму долга. Стоимость лечения.

— Проверь.

Я опускаю глаза. Читаю дальше. Приложение номер два. Сумма. Она совпадает с той, что называл папа. Плюс проценты, которые набежали за последний месяц. Реабилитационный центр. Стоимость. Курс. Сроки. Всё прописано. Всё честно.

Я поднимаю взгляд. Смотрю на нотариуса. На её нейтральное лицо.

— Я хочу прочитать ещё раз, — говорю. — Весь договор. Сначала.

Нотариус кивает. Я переворачиваю страницы. Начинаю снова. Вчитываюсь в каждое слово. В каждую запятую.

Молотов молчит. Я чувствую его взгляд на себе. Он не торопит. Не давит. Просто смотрит. И от этого взгляда у меня немеют пальцы, и слова начинают плыть перед глазами.

Я читаю. Снова. И снова. Понимаю, что не запоминаю ни одного пункта. Просто вожу глазами по строчкам, пытаюсь удержать контроль. Пытаюсь показать, что я не просто кукла, которая подписывает всёподписать не глядя.

Поднимаю голову. Смотрю на этого мужчину. Он улыбается. Совсем чуть-чуть, уголками губ. В его глазах — терпение. И уверенность. Такая спокойная, что меня саму бесит.

— Всё прочитала? — спрашивает он.

— Да, — вру, потому что я ничего не запомнила.

— Тогда подписывай.

Я беру ручку. Пальцы холодные, почти ледяные. Ручка кажется тяжёлой, неподъёмной. Я смотрю на строчку, где должна поставить подпись. Моя фамилия. Моё имя. Моя жизнь.

Я расписываюсь там, где он показал.

Потом ещё раз. И ещё.

Нотариус собирает документы. Ставит печати. Протягивает нам по экземпляру.

— Поздравляю, — говорит она. — Договор зарегистрирован.

Я смотрю на папку в своих руках. Там моя свобода. Запечатанная, заверенная, подписанная.

Мы выходим из бизнес-центра, направляемся к машине, и Молотов на ходу достаёт телефон и набирает номер.

— Стилиста ко мне завтра к десяти, — говорит он коротко. — Да, полный гардероб. Повседневный, деловой, вечерний. Размеры передам.

Я смотрю на него не понимая.

— Это... — начинаю я.

— К свадьбе нужно выглядеть соответственно, — он убирает телефон в карман.

Я открываю рот, чтобы возразить... Но он смотрит на меня, и слова застревают в горле.

— Твоя мать лежит в лучшем реабилитационном центре, — говорит он спокойно. — Твой отец получит лучшего адвоката. А ты будешь одета так, как я считаю нужным. Это часть сделки, Ангелина. Привыкай.

Я сглатываю. Киваю.

— Хорошо, — выдавливаю из себя.

— Вот и умница, — он открывает дверь машины. — Сейчас заедем в ресторан пообедать, а потом водитель отвезёт тебя домой.

Я киваю, сейчас неважно моё мнение, меня просто ставят перед фактом.

Я больше несвободна. Я невеста Юрия Молотова.

И это только начало.

глава 8

Стилист появляется на следующее утро после подписания договора.

Я слышу звонок в дверь, потом голоса, а через десять минут Лидия стучится в мою комнату.

— Ангелина, к вам приехали.

Я выхожу в гостиную и вижу женщину лет сорока. Волосы собраны в идеальный пучок, одежда чёрная, строгая, на руке планшет. Она окидывает меня взглядом, и я чувствую себя экспонатом на осмотре.

— Доброе утро, — голос у неё деловой, без лишних эмоций. — Я Светлана, стилист. Юрий Сергеевич поручил мне подготовить ваш гардероб.

— Мой гардероб, — повторяю я за ней, звучит глупо. — Понятно.

— Хорошо. Можете показать, что у вас есть?

Я веду её в свою комнату. Открываю шкаф, где висит то небольшое, что купил мне Молотов для поездок в ЗАГС и к нотариусу.

Светлана смотрит. Молчит. Её лицо не меняется, но я чувствую, что она думает.

— Хорошо, — говорит, наконец. — Будем работать с нуля.

Следующие три часа я мерю одежду. Много одежды. Светлана привезла с собой целую вешалку — платья, брюки, блузы, пальто, обувь. Я одеваюсь, раздеваюсь, снова одеваюсь... Дамочка что-то помечает в планшете, определённые вещи откладывает, какие-то сразу убирает.

— Юрий Сергеевич хочет, чтобы вы выглядели безупречно, — поясняет она, поправляя лямку на моём плече. — Для него это важно.

Для него. Не для меня. Режет уши, но я не меняю равнодушного выражения лица.

Я смотрю на себя в зеркало. На мне длинное кашемировое платье цвета слоновой кости, мягкое, дорогое. Оно сидит идеально: подчёркивает талию, скрывает то, что нужно скрыть, открывает то, что нужно открыть.

Я выгляжу... как кто-то чужой, не я.

На следующий день приезжает парикмахер.

Мужчина с тонкими пальцами и острыми ножницами. Он долго рассматривает мои волосы, пропускает пряди между пальцами, что-то бормочет себе под нос.

— Длина останется, — говорит он наконец. — Но форму нужно подправить. Слишком тяжело лежат.

Я сижу в кресле, смотрю, как пряди падают на пол. Всего несколько сантиметров, но мне кажется, что я теряю часть себя. Что-то, что было моим. Моим выбором.

Потом визажист. Она учит меня делать макияж «для выхода». Естественно, дорого, безупречно.

— Главное — глаза, — объясняет она, водя кисточкой по моим векам. — У вас очень выразительные глаза. Их нужно подчёркивать.

Я смотрю в зеркало. Оттуда на меня смотрит женщина, которую я не знаю. Красивая. Ухоженная. Чужая.

— Ангелина, — визажист наклоняет голову. — Вы в порядке?

— Да, — отвечаю я. — Всё нормально.

Через пять дней после подписания договора я впервые еду в реабилитационный центр.

Машина Молотова ждёт у подъезда. Водитель открывает дверь, называет меня «Ангелина Владимировна», и я вздрагиваю — так официально, меня ещё никто не называл.

Центр находится за городом. Белое здание среди сосен, ухоженная территория, скамейки, клумбы. Внутри пахнет не лекарствами, а цветами и деревом. Светлые коридоры, удобные кресла, тихая музыка.

Меня провожают до палаты. Я толкаю дверь.

Мама сидит в кресле.

Сидит. Сама.

Я замираю на пороге.

Она похудела, лицо всё ещё асимметричное, левая рука лежит на подлокотнике неподвижно. Но она сидит. Глаза живые, чистые. И когда она видит меня, в них появляется свет.

— Геля... — её голос тихий, хриплый, но это слова. Не мычание, не звуки. Слова. — Гелечка...

Я подлетаю, падаю перед ней на колени, прижимаюсь к ней, чувствуя родное тепло и запах мамы. Она тянет ко мне левую руку. Пальцы дрожат, не слушаются, но они двигаются. Она гладит меня по голове, неуклюже, тяжело, но гладит.

— Мама, — у меня голос ломается. — Ты обязательно поправишься...

— Не плачь, — шепчет она. — Всё... хорошо.

Я сжимаю её правую руку, целую пальцы. Плачу. Не могу остановиться.

— Ты встанешь, — говорю я. — Слышишь? Ты будешь ходить. Ты будешь говорить. Всё будет хорошо.

Она кивает. И вдруг улыбается. Криво, потому что левая сторона всё ещё не слушается, но это улыбка. Настоящая.

— Жених... у тебя хороший, — выдыхает она.

Я замираю. Смотрю на неё. Она не знает. Она не знает, что этот брак — сделка. Что я здесь не потому, что люблю. Что её «хороший жених» — это человек, который купил меня.

— Хороший, — говорю я, улыбаюсь. — Самый лучший.

Мама гладит меня по щеке. Её пальцы холодные, но я чувствую тепло.

— Счастлива... будешь, — шепчет она.

Я киваю. Не могу говорить. Потому что, если открою рот — разревусь.

Я выхожу из палаты, прислоняюсь к стене в коридоре и даю волю слезам.

Плачу, закрывая рот ладонью, чтобы никто не услышал. Потому что всё хорошо. Мама выздоровеет. Мама встанет. Молотов сдержал слово.

А я?

Я выхожу замуж за человека, которого не люблю. И только что солгала маме, что он самый лучший.

Я не знаю, сколько стою так. Пять минут. Десять. Потом вытираю лицо, поправляю волосы, делаю глубокий вдох.

Возвращаюсь в палату с улыбкой.

— Мам, я к тебе приеду на днях. А сейчас мне пора.

— Иди, иди, — она сжимает мою руку. — Я... в порядке.

— Я люблю тебя.

— И я... тебя.

Жизнь в доме Молотова течёт по расписанию.

Я просыпаюсь в восемь. Завтракаю одна — он уже уехал. Лидия накрывает на стол, спрашивает, что приготовить на обед, и я чувствую себя гостьей в этом доме. В доме, в котором я прожила целый год, и который никогда не станет моим.

В десять приходит репетитор по этикету. Елена Павловна — женщина с седыми волосами и цепким взглядом. Она учит меня, как правильно сидеть за столом, как держать вилку, как здороваться с важными людьми.

— Юрий Сергеевич хочет, чтобы вы чувствовали себя уверенно в любом обществе, — объясняет она.

Я слушаю. Киваю. Делаю, как она говорит.

Потом обед. Потом свободное время. Я гуляю по дому, рассматриваю картины на стенах, выхожу на балкон, смотрю на город. Иногда читаю. Иногда просто сижу в своей комнате и смотрю в потолок.

А в восемь — ужин.

Единственное время, когда мы видимся.

Он приходит домой ровно в восемь. Переодевается: снимает пиджак, закатывает рукава. Садится напротив меня. Я чувствую его взгляд, даже когда смотрю в тарелку.

— Как мама? — спрашивает он.

— Лучше. Сегодня подняла руку выше.

— Хорошо.

— Как у вас дела? — спрашиваю, чтобы как-то заполнить гнетущую тишину.

— Всё по плану.

Коротко. Сухо. Вежливо.

Но иногда он задерживает на мне взгляд. Секунда. Две. Пять. Я чувствую этот взгляд кожей, но не поднимаю глаз. Смотрю в тарелку, мну салфетку, пью воду.

Однажды я ловлю себя на том, что жду этого ужина. Что смотрю на часы, считаю минуты. Что прихожу в гостиную за десять минут до восьми.

Я ненавижу себя за это.

Потому что не должна ждать. Потому что он враг. Потому что я здесь по контракту. Потому что моё сердце не должно пропускать удар, когда он входит в комнату.

Но по ночам, лёжа в своей кровати, я прислушиваюсь к шагам за стеной. И думаю о том, что он обещал не трогать меня до свадьбы.

Свадьба через три недели.

Потом... что потом?

Я не знаю. И боюсь узнать.

глава 9

Когда я училась в институте, мне казалось, что время перед сессией пролетает как один день, в доме Молотова три недели перед свадьбой я вообще не заметила. Они слепились в единую тягучую субстанцию, которая кончилась в то утро, когда меня разбудили в семь.

— Ангелина, пора, — Лидия осторожно трогает меня за плечо. — Стилист уже приехала. Я сажусь на кровати. Сердце колотится где-то в горле. Сегодня.

В гостиной меня ждёт целая армия. Светлана с вешалкой платьев, парикмахер, визажист. Они говорят между собой на своём языке, обсуждают мои волосы, мою кожу, мой образ.

Я сижу в кресле, смотрю в зеркало и чувствую себя куклой. Меня расчёсывают, красят, укладывают. Поправляют брови, тонируют лицо, наносят тени.

— Платье, — Светлана выходит из моей комнаты, держа на весу белоснежный шедевр.

Я вижу его впервые. Длинное, шёлковое, с закрытыми плечами, но с глубоким вырезом на спине. Простое. Элегантное. Дорогое.

— Это вы выбрали? — спрашиваю я.

— Юрий Сергеевич утвердил эскиз, — уклончиво отвечает Светлана.

Конечно. Кто же ещё.

Я надеваю платье. Смотрю в зеркало.

Оттуда на меня смотрит чужая женщина. Идеальная укладка, идеальный макияж, идеальное платье. На пальце ещё нет кольца, но я уже чувствую его тяжесть.

Невеста Юрия Молотова.

Ты готова? — спрашиваю себя.

Я не знаю.

Церемония проходит в малом зале ЗАГСа. Гостей немного — человек двадцать. Я никого не знаю. Только папу, который ждёт меня у входа.

Он прилично одет, выбрит, но я вижу, как дрожат его руки. И глаза красные — не от похмелья, от слёз.

— Геля, — шепчет он, когда я подхожу. — Дочка...

— Пап, не плачь, — прошу я. Сама на грани.

— Ты такая красивая...

Он берёт меня под руку. Его пальцы дрожат. Я сжимаю их — не знаю, чтобы успокоить его или себя.

Мы идём по проходу. Медленно. Каждый шаг отдаётся в висках.

Я поднимаю глаза.

Молотов ждёт у стола, за которым нас ждёт сотрудница ЗАГСа. В тёмном костюме, белой рубашке, с серьёзным лицом. Он смотрит, как я иду к нему. И в его глазах я вижу то, что заставляет моё сердце пропустить удар.

Торжество.

Чистое, открытое, не скрытое. Он ждал этого момента. Он всё это затеял ради этого. Я его трофей. Его победа. И сейчас он показывает меня всем.

Отец передаёт мою руку Молотову. Его пальцы смыкаются на моей ладони. Горячие. Сильные. Не отпускают.

— Я согласна, — говорю я, голос не дрожит.

— Я согласен, — говорит он, смотрит только на меня.

Кольца. Он надевает мне на палец тяжёлое платиновое кольцо, и металл кажется ледяным.

— Можете поцеловать невесту.

Он наклоняется. Его губы касаются моих. Коротко. Официально.

Но этот короткий миг как удар током. Я чувствую вкус его губ — мятный, горьковатый, мужской. И моё сердце пропускает удар.

Он отстраняется. Улыбается. Берёт меня за талию — собственнический жест, который видят все.

— Моя жена, — говорит он. Громко. Для всех.

После церемонии все едут в ресторан. Там уже накрыты столы, фуршет, шампанское, тосты, улыбки.

Молотов не отпускает меня ни на шаг. Всё время держит за талию. Я чувствую его пальцы даже через ткань платья.

— Поздравляю, Юрий Сергеевич, прекрасная невеста, — восхищается какой-то партнёр с бокалом.

— Моя жена, — поправляет Молотов. — Ангелина.

Я улыбаюсь. Протягиваю руку. Играю свою роль.

К нему подходят мужчины в дорогих костюмах. С ними женщины, украшенные бриллиантами, с идеальной укладкой, идеальным макияжем. Они разглядывают меня. Оценивают. Моё платье, мой макияж, моё кольцо.

Я вижу их взгляды. Зависть? Очень даже может быть.

Мужчины смотрят по-другому. С интересом. Я чувствую их взгляды тоже, и от них мне реально хочется спрятаться.

Молотов чувствует тоже. Каждый раз, когда кто-то задерживает взгляд слишком долго, его пальцы на моей талии сжимаются чуть сильнее.

Один раз он наклоняется к моему уху.

— Улыбайся, — шепчет. — Ты моя жена, а не осуждённая.

Я улыбаюсь. Ярче. Свободнее. И чувствую, как он чуть расслабляется.

Потом он целует меня. Не официально, как в загсе. А легко, в висок, как будто это естественно. Как будто мы любим друг друга.

Я замираю на секунду. А потом... мне кажется, что это уже не игра. Моя рука сама ложится ему на плечо. Моя улыбка становится настоящей.

Я отстраняюсь первой. Беру бокал. Пью шампанское, чтобы скрыть дрожь.

— Ты сегодня прекрасна, — говорит он тихо, так, чтобы никто не слышал.

Я смотрю на него. На этого человека, который разрушил мою жизнь. Который купил меня, как вещь. Который сейчас смотрит на меня так, будто я — самое ценное, что у него есть.

Я не знаю, что чувствую. Ненависть? Страх? Желание?

Или всё сразу.

Когда возвращаемся домой, гостей там нет. Лидия накрыла ужин в гостиной — лёгкий, для нас двоих. Свечи, белая скатерть, дорогой фарфор.

Я сижу напротив Молотова и не чувствую вкуса еды. Внутри всё сжато в тугую узел. Напряжение между нами такое плотное, что можно резать ножом.

Он ест медленно. Не торопится. Смотрит на меня через стол.

Я чувствую его взгляд, но не поднимаю глаз. Смотрю в тарелку. Считаю кусочки. Дышу.

— Ангелина, — говорит он.

Я поднимаю голову.

— Ты сегодня хорошо играла.

Я молчу. Краснею. Ненавижу себя за это. Он смотрит на меня. Долго. Потом встаёт. Обходит стол. Останавливается рядом.

— Пойдём, — говорит тихо. Берёт меня за руку.

Я смотрю на него. В горле резко пересыхает.

— Вы обещали, — шепчу я. — До свадьбы...

— Свадьба кончилась, Ангелина. — он наклоняется, его губы у самого моего уха. — А теперь ты моя жена.

Он тянет меня за собой. Вверх по лестнице. Я иду, потому что деваться некуда. Потому что обещала.

Потому что где-то глубоко внутри всё замерло и... я не хочу останавливаться.

Мы поднимаемся на второй этаж. Проходим мимо моей комнаты. Идём дальше. К его спальне.

Дверь открывается. Он впускает меня внутрь.

Я стою посреди комнаты. Огромная кровать, тёмное дерево, приглушённый свет. Всё пахнет им: кожей, парфюмом, чем-то тёплым и мужским.

— Теперь ты моя, — говорит он спокойно.

Я смотрю на него. Сердце колотится так сильно, что, кажется, он слышит.

Молотов закрывает дверь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.